

КНИГУ читают, художественную ли, любую ли другую, обращая внимание на ее литературные достоинства, новаторство, то есть на ее оригинальность, стиль и т. д.

Или же читают ради информации (любимой — политической, социальной, религиозной, философской, научной).

Художественные достоинства, так ценившиеся когда-то (на это я обращал внимание в первую очередь), сейчас мне безразличны.

Что касается информации, ее хватает с избытком в последних новостях, захватывающих, жестоких, чудовищных, ужасных, скандальных и никогда — комичных. Все эти события и сообщения более значительны, поучительны, впечатляюще трогательны, поразительны и парализуют сильнее, чем ухищрения литературы и литераторов. Мне достаточно газет и средств массовой информации. Меня не интересуют политические интриги, мне это ничего не дает. Я знаю, что такое политика, слишком хорошо знаю. Политики ничего не могут изменить. Религия и философия оставляют меня наедине с глобальными сомнениями.

У меня нет никакого повода, никакой потребности, увы, погрузиться в чтение, и, когда я вспоминаю о своей читательской страсти в прошлом, мне грустно, но ничего не поделаешь, чтение — «ненаказуемый порок» — уже не удовлетворяет меня; я не читаю и даже пишу через силу, заставляя себя... иногда*. Меня гложет тоска. Что делать с тем небольшим количеством времени, которое мне осталось на жизнь? У меня нет ни к чему интереса, мне даже с друзьями скучно беседовать, а они навешают меня время от времени. Итак, что делать? Божественное недоступно мне. Я кубарем лезу вниз. Словно отпустил державшую меня руку Бога.

Только ради моей бедной жены я живу, вернее, прозябаю, существую.

Итак, что же дальше? С левочками поколочено. Пить я не могу. Есть? Одни и те же блюда, и занимает это немного времени. Скука, скука — вот что такое моя жизнь.

Остается то, что я называю моей живописью, но боюсь, что и к ней интерес скоро пропадет. Странное дело, вкус моей жизни придает остаток литературного тщеславия, ревности, страх оказаться забытым людьми, как забыт Богом, досада при мысли о соперниках по письму. Но и это для меня почти ничто.

Мне нужна только живопись, чтобы жить. Если я перестану рисовать, то совсем отчаюсь. Цвет, и только цвет, только язык цвета внятней мне. Краски еще живы для меня, а слова утратили смысл, ценность, всякую выразительность. Краски принадлежат настоящему: они поют, они принадлежат этому миру и, кажется, соединяют меня с Другим миром. Я нахожусь в них то, что утрачено словом. Они — само слово: рисунок и особенно цвет есть слово, язык, сообщение, жизнь, все, что связывает меня с остальным миром, с универсумом. Они приближают меня к Нему, дают мне жизнь. И я боюсь в то же время, что голоса красок исклукнут, угаснут. Боюсь повториться, боюсь потерять их при столкновении с холодной стеной невозможности самовыражения: ведь повторение смертельно, оно — отпечаток смерти, утраты воображения, то есть нежизнь, иссушение.

Этим страхом объясняются, как говорит мне Ф., мои желудочные боли, моя грусть, подавленность, депрессия. Он может помешать мне рисовать: я боюсь утратить эту способность. Да, кажется, именно этот страх свелет меня к могилу, пока еще живого, но надолго ли? Цвет — моя жизнь, краски, мои последние слова, мои персонажи, свидетели, миры, существование, живые краски, будьте со мной, помогите мне, живите, чтобы жил я, краски, живые лица, знаки жизни, ее украшение.

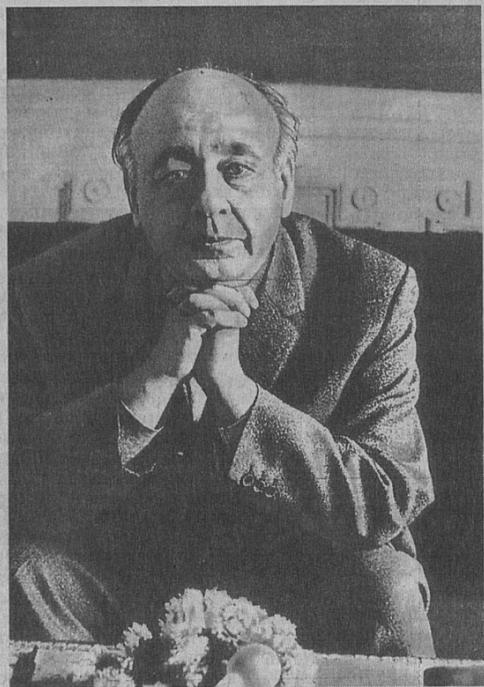
ЧТО Я СДЕЛАЛ за три четверти века, что прожил? Спал и проснулся: уже поздно, поздний вечер. Спал и потерял время, а время потеряло меня. Но может быть, никогда не бывает поздно? Оно еще придет. Оно может появиться в последний момент, в последнюю минуту, в последнюю секунду.

Спрашиваю себя: что же я мог сделать, что я мог сделать?! Я жил в тревоге, иногда забывал о ней, но она все время сидела в подсознании. Действительно, «по-настоящему» я не утратил сознания. Я должен был бы жить исклю-

* Это не совсем верно. Так было до последнего времени. Я вдруг снова обрел страсть к письму и к размышлениям, своим и чужим. Представьте, я читаю интеллектуальные книги, чередуя их с детективами. Утром я не такой, каким был накануне вечером, вечером я не такой, каким был утром. К счастью, нет ничего окончательного, раз и навсегда данного.

Прерывистый поиск

Эжен ИОНЕСКО

Всемирно известному французскому писателю Эжену Ионеско в этом месяце исполняется 80 лет. Столь почтенный юбилей творца «театра абсурда» просто не может не исторгнуть у нас неуверенно банального восклицания: «Как быстро летит время!». Первая «антипеса» драматурга «Лысая певичка», поставленная парижским театриком «Ноктамбуль» в 1950 году, была встречена как неслыханная — вернее, невиданная — дерзость модернизма, а сегодня на Западе и у нас не найти критика-эстета, который с пресыщенным видом посвященного не рассуждал бы о «постмодернизме» и «конце Истории». Но, к счастью, Эжен Ионеско не оказался «после современности»: надо напомнить читателю, что он «бессмертный», или, говоря приземленной прозой, — член Французской академии с 1970 года.

С творчеством Эжена Ионеско русский читатель, не знающий французского языка, встретился на закате «оттепели», в 1965 году, когда журнал «Иностранная литература» опубликовал шедевр драматурга — пьесу «Носорог». Сейчас, в наше литературное безвременье, в это псевдотрудно, но тогда о «Носороге» бурно спорили вся литературная и интеллектуальная Москва. На высоте была «ЛГ», которая подытожила эту полемику большой статьей талантливого поэта и публициста Никиты Разговорова (к сожалению, его уже нет с нами) «От «Носа» к «Носорогу» и кемного дальше», где были сказаны очень верные слова: «И такая драматургия по-своему интересна, и самым нелепым было бы, разумеется, делать вид, что ее вообще не существует в природе».

я чувствовал тяжесть в затылке. Может быть, у меня был слабый мозжечок?

...Короче говоря, сегодня утром все это пропало. И если бы не прихрамывающая нога, я бы чувствовал себя совершенно живым, по-настоящему живым, живым, как всегда, когда есть желание жить нормальной повседневной жизнью, какой я жил всегда, какой я мог всегда жить. Для этого не было причин, но и не было причин, чтобы было иначе. Но я так легко перехожу от одного состояния к другому, противоположному. А если бы я не начал писать? Но я начал, и правильно сделал, теперь мне спокойнее... Какая терапия — письмо! Белая страница, которую я испещряю черными или синими буквами в зависимости от чернил, вбирает в себя мои тревоги. Принимает в себя, исповедует. Это действует на меня так же благотворно, как и живопись.

ВСЕ КЛАССОВЫЕ, национальные, религиозные, мировоззренческие различия между людьми можно постичь, объяснить и, следовательно, понять. Каждый приходит к мысли о необходимости общения и понимания «почему»: каждый способен порвать легкую, тонкую, редкую плену внешнего, ситуационного непонимания.

Вняты все языки, несмотря на их различие. Внятна даже речь вне языка, метаязык.

Я поставил опыт в литературе, употребив в двух или трех пьесах выдуманные или исковерканные слова, прибегнув к подмене слов, имитации потери речи (лишь бы был крик). Жан Тартье проделал тот же эксперимент с той лишь разницей, что в пьесе «Одно слово вместо другого» в лингвистическом кругу пародируется язык самого лингвистического круга — как бы взгляд со стороны на свою социальную и лингвистическую среду. Я же использовал одни слова вместо других, непроизносимые и еле-еле слышимые звуки, которые артист в творческом порыве мог и присочинить, превратив в монолог, почти неслышимый, но это был своего рода язык, крики, понятия, по сути, ассонансы, крик и отчаяние одного человека, Жана, в «Путешествиях к мертвым». Все зрители и слушатели могли понять, если хотели, страдание и грусть моего персонажа, монолог которого состоял исключительно из слогов и криков, звуков в отрыве от слов, тем не менее их можно было перевести и на английский, и на итальянский.

Подобным же образом в «Лысой певичке»

Однако «самое нелепое» успешно осуществлялось в годы «застоя». Пьесы Ионеско не переводились и не ставились, зато газеты — и «ЛГ» не без греха — рьяно разоблачали «пасквили» писателя, то есть его острые политические статьи в парижской «Фигаро», в которых публицист боролся за права человека, предсказывая крах «развитого социализма» и коммунистической идеологии.

В период «перестройки» стало очевидно, что из «идеологической войны» Эжен Ионеско вышел победителем. Были поставлены и изданы его пьесы, «ЛГ» напечатала беседу Ионеско с нашим известным драматургом Юлиу Эдлесом.

И все-таки творчество Эжена Ионеско до сих пор остается несправедливо мало известно русскому читателю. Ведь писатель понимает искусство как «освободительную силу, обучающую нас утраченным навыкам свободы духа». В этом творческом кредо большого французского писателя нет ничего буржуазного, авангардистского или «постмодернистского», а есть вечное вопрошение о смысле жизни и назначении человека на земле.

К юбилею Эжена Ионеско «ЛГ» публикует фрагменты из его автобиографической книги «Прерывистый поиск», которая вошла в сборник прозы писателя «Противоядия», подготовленный к печати фирмой «Прогресс-Литера» (входит в а/о издательская группа «Прогресс»). В этой замечательной прозе звучит голос истинного Эжена Ионеско.

Лев ТОКАРЕВ

сквозь абсурд и нонсенс, сквозь словесную неразбериху, несмотря на смех в зале, можно понять драму всякого языка. Я бы даже сказал, что в конце концов язык взрывается среди молчаливого непонимания, взрывает тишину, разбивает ее, чтобы возникнуть заново в ином виде. В виде более ясного языка, который дошел до предела, до края тишины.

Люди понимают друг друга, хотя они этого или нет: голод, жажда, смерть, любовь, ненависть, тревога, страх, алчность, зависть, ревность, любопытство, желание обладания или бегства, потребность в Боге — все это понятно всем. Слова не нужны, они только вносят путаницу, у нас миллиардов человеческих существ, все похоже. Некоторые хотели бы поверить или заставить поверить других, из политических или тактических соображений, что понимание между людьми невозможно, но они понимают друг друга, как понимают друг друга дети.

Даже те, кто не хочет понимать, могут заставить понять и понимают, что все можно понять. С помощью своих же действий и объяснений по поводу этих действий, которые они хотят довести до всех, поскольку любят представлять, поучать.

Фасеточные глаза некоторых насекомых (мух, например) отражают мир в самых разных гранях — но это всего лишь различные грани единого Света. Мухи должны это инстинктивно чувствовать (если только насекомые думают, что по-своему вполне возможно), если верить Лейбницу, утверждавшему, что камень — это спящая мысль). Дух проникает во все существа и в каждое существо. Мы все — это «один». В минуты эйфории и веры я говорю себе, что, может быть, барьеров нет. Иногда я думаю, что все мы — один в множестве. И что все потенциально передаваемо, что мысль проникает в каждое существо, другой есть я. Я говорю с собой. Другой интегрируется в мою самость.

СЕГОДНЯ я не очень хорошо себя чувствую. Неловкое движение? Оно не происходит без последствий, это неловкое движение. Мало приятного: покалывание в руках, в спине, тяжесть в ногах (сейчас буду разуваться, посмотрю, не опухли ли ноги), клонит в сон, хотя всего девять часов вечера; я сел писать, чтобы не уснуть, после довольно долгой прогулки в прекрасном парке вдоль берега Луары. Во время прогулки старался не

пользоваться тростью. И эти покалывания: плохое кровообращение? Думаю, так.

Но желание спать прошло. И вот я за столом (красивый письменный стол в стиле не знаю какой эпохи). Я бодр. Я пишу, пишу — ведь я писатель? А что еще делать писателю? Он пишет, писатель пишет. Он родился, чтобы писать. В этом его предназначение. Писателю приятно писать, отчего бы писателю не писать? Никто не мешает писателю писать. В свободной стране писатель пишет, что хочет! Писатель пишет, как может. Писатель, писатель, писатель. Одна девушка написала мне недавно патетическое и страстное письмо, считая меня великим писателем. Что я мог ответить? Она хотела встретиться со мной. Видите ли, в свободной стране писатель не всегда свободен, я не осмелился написать этой «обожательнице». Не осмелился ни пригласить ее, ни написать, ни ответить. В свободной стране писатель не очень-то свободен. Впрочем, что я мог ей сказать, какою ответа, спасительного послания ждала она от меня? Быть полезным. На протяжении десятилетия, на протяжении многих веков я задаю себе вопрос, что я могу сказать полезного тому, кто нуждается в ободрении, если не в состоянии ободрить самого себя.

НИКОГДА не кончишь писать. Раз уж взялся за это. Еще, еще и еще слово приходит на ум (плохое или хорошее), еще идея, плохая или хорошая.

Нехорошо, что иногда я считаю себя великим писателем, книги которого будут читать с удовольствием и будут копать, перекапывать все, что он написал.

Я был бы не прав, если бы сам верил в это, это увело бы меня с пути истинного: повредило бы подлинности моего творчества.

Только жемчужины. Но есть ли среди них неподдельные?

Иногда, быть может, быть может, быть может, там и здесь, среди банальностей я писат и не слишком плохие вещи.

Но в такие моменты я больше не тревожусь: я уже не в метафизике, а просто в литературе.

И еще: хорошая и плохая литература.

Все, что приходит в голову.

Я пишу (хорошую или плохую) литературу: я нахожусь в горизонтальной плоскости.

Я во власти тревоги, самой черной тревоги, и поднимаюсь к высотам метафизики. По вертикали.

Если даже моя метафизика, моя «философия» (каждый человек — философ, говорил, кажется, Аристотель) повторение, банальность, посредственность, никудышность, сам я живу в другой, приподнятой плоскости, даже с достаточной недостаточностью себя выразив. Если (или когда) я живу в духовном плане, даже на самом низком духовном уровне я возвышаюсь в тот момент над литературными заботами.

ЧТОБЫ писать, не нужно делать ничего, не писать ни роман, ни пьесу, ни эссе, ни речь!

Я пишу, потому что не должен писать. Не обязан. Я перестану писать, когда начну писать пьесу (которую, надеюсь, смогу и найду время написать).

Но сейчас, когда я люблю этим прекрасным садом и окружающим его парком и мне ничего не надо писать, я пишу... Пишу.

Пишите, пишите всегда, чтобы обогатить французский язык.

Я не должен шутить. Да нет, шутить нужно.

Шутки могут быть горькими, приятными, неприятными, любезными, жестокими, нежными, розовыми, черными, пугающими, успокаивающими, вежливыми, невежливыми, извранными, честными, хорошо прочувствованными, плохо пахнущими, спокойными, выводящими из себя, грустными, веселыми, солеными, без соли, перчеными, медовыми, лственными, с горечью, банальными, оригинальными, нездоровыми, растворимыми, праздными, педантичными, скучными, беспокоящими, галлюцинирующими, реалистичными, ирреальными смешными, обаявающими, необаявающими, сухими, сочными, благородными, буржуазными, народными, забавными, упрощенными, грустными, безумными, опасными, старомодными, модными, незначительными, воздушными, сдержанными... и т. д. и т. п.

Расположить по порядку. Если вам некуда — а вам некуда — девать время. Вместо того, чтобы читать, скажем, Агату Кристи.

Перевод с французского М. АРИАС, Н. МАЛЫЦЕВОЙ, А. КАВАЛКИНА